

Анатолий Найман выпустил книгу «Рассказы о Анне Ахматовой»

Найман, Рейн, Бобышев, Бродский. Литературная группа питерской молодежи пятидесятых годов. Анна Ахматова называла их снисходительно «аввакумовцами» (за нежелание «публиковаться» и «числиться» в обмен на «одолжения» и «уступки») и еще, с любовью, — «мальчиками». Им посчастливилось читать ей свои стихи. Анатолий Найман, литературный секретарь А. А. с 1962 года, поэт и прозаик, только что выпустил книгу об Ахматовой*.

Дарья АКИМОВА

— Когда вы работали, не давали ли на вас: что можно сказать об Ахматовой, если о ней все сказано?

— А что было сказано? Это сейчас Ахматова расписана по буквам и знакам препинания. Но долгое время она была отнюдь не популярна. Поскольку у нее, как у всякого человека, были свои «пластинки» (много раз рассказанные истории), то следовало просто не повторять

записанное ее другом Лидией Чуковской. Что бы я хотел подчеркнуть: моя книга — никак не воспоминания! «Былое и думы» Герцена — тоже не воспоминания, а жанр: не то, что вспоминают, а то, что понимают.

Когда однажды кто-то из близких сказал, что у ее сына трудный характер, она ответила резко: «Не забывайте, что его с девяти лет не записывали ни в одну библиотеку как сына расстрелянного врага народа»**.

— Чувствовали ли вы, когда

общались с ней, что ее «предопределение» распространяется и на вас?

— Нет, у меня этого не было. Это скорее Бродский... Было ли ощущение предопределения у Ахматовой в молодости? Не могу сказать с уверенностью, но не похоже.

Она рассказала: «Бунин сочинил эпиграмму на меня:

Любовное свидание

с Ахматовой
Всегда кончается тоской:
Как эту даму не обхватывать,
Доска останется доской.

А что? По-моему, удачно».

— Ваше поколение поэта Ахматову воспринимало?

— Я обобщений не люблю: факты можно складывать в картину, а не в идеологию. Но для нас в наши восемнадцать-девятнадцать Ахматова, Мандельштам, Цветаева появлялись — как если бы их до того не было. Я впервые читал стихи Мандельштама переписанными от руки.

Мы как-то не считались «поколением». Естественно, я близок к людям шестидесятых, и среди «шестидесятников» у меня много друзей, но... шестидесятничество — другое. Вообще я думаю, что занятие «поколенчеством» — это от личной недостаточности.

[А. А. рассказывала о Солженицыне]:

Прочитала [ему] «Сиделок тридцать седьмого». Он сказал: «Это не вы, это Россия говорит». Я ответила: «В ваших словах соблазн». Он возразил: «Ну что вы! В вашем возрасте...» Он не знает христианского понятия. Я ему сказала: «Вы через короткое время станете всемирно известным. Это тяжело. Я не один раз просыпалась утром знаменитой и знаю это». Он ответил: «Меня не заденет. Я-то пе-реживу».

— Ахматова и в Москве была петербуржкой?

— Конечно. Это довольно просто: Цветаева — Москва, Ахматова — Петербург. По струю стиха, соотнесенного со строем городского пространства. Нет, я не «патриот» Петербурга. Вся эта дешевая петербургская спесь для меня кончилась лет в тридцать.

Насколько легко она говорила о Шилейке***, насколько охотно о Гумилеве, настолько старательно обходила Пунина****. Сказала однажды в послесловии к беседе на тему о разводе («институт развода — лучшее, что изобретено человечеством» или «цивилизацией»), что, «кажется, прожила с Пуниным на несколько лет дольше, чем это было необходимо»... Он был арестован в 1949 году и в 1953-м умер в лагере — Ахматова показала мне фотографию ровного поля, утыканного геометрически правильными рядами табличек... Табличек столько, сколько мог захватить фотообъектив: это лагерный кладбище, предположительно то его место, где зарыто тело Пунина.

— Что было самым тяжелым в общении с Ахматовой?

зала она, сразу отбросив легкомысленный тон. — Выжили только крепкие.

— Наше время — неудобное для поэзии?

— Да нет. Вот есть страшные испытания в жизни, когда не знаешь, вынесешь их или нет. А поэзии не нужно специальное время гонений или свободы. Ей нужно — серьезная сдержанность в употреблении слов. Почему «то» время способствовало поэзии? Ахматова или Мандельштам говорили неотменимые, несомненные вещи. В бессловесном обществе, где многие слова были либо изуродованы, либо непроизносимы, это звучало как открытие.

Газеты были одни и те же. Вот газета «Правда». Она же была в виде «Известий». То же самое — в виде «Вечерней Москвы». В ней было, если положить под пресс и как следует отжать, два-три слова, три-пять запятых. И все. А когда одно и то же слово за один день повторяется пятьсот раз, трудно сказать что-то новое.

Сейчас нового вроде бы огромное количество. Ты, Анатолий Генрихович, за это? Я за это. Но! Не «разобрали» ли газеты слова? А «газета» для меня — слово со сравнительно негативной коннотацией.

На самом деле, это разговор не слишком правдивый с моей стороны. Потому что поэзия — исключительно частное дело. Все идет о'кай, когда у тебя идет работа. Я вообще считаю, что о поэзии беспокоиться нечачем. С ней все в порядке.

Кто-то написал [ей], что в трудные моменты жизни находил утешение в ее стихах. Она немедленно продиктовала: «Меня же мои стихи никогда не утешали. Так и живу неутешенная — Ахматова».

и из середины толпы, заслонившей ее, донеся первый удар молотка и вскрик, он вдруг уронил голову на ладони и затрясся в рываниях. Слезы наполнили ее глаза и покатились по щекам.

— Ахматова сегодня востребована?

— Нет, абсолютно нет, ну что вы! Сейчас не место ничему крупному. Сегодня — место для клипов. Отдаю себе отчет в том, что если такая фраза будет напечатана в газете, то это будет выглядеть как брюзжение старика: «Вот, а в наше время было...»

Но время диктует набор действующих лиц. Революция, гражданская война — да, ужас, да, кровь, но она требовала грандиозных исполнителей. Годы голода — они требовали сопротивления.

Теперь Ахматова не нужна. Может, только в виде анекдота. Не как часть же тусовки. Несуместна. Громоздка. Пугачева — вот это другое дело. Это вовсе не означает, что я пренебрежительно говорю о Пугачевой. Просто мне трудно представить, что Пугачева и Ахматова беседуют.

Живи сейчас Ахматова и скажи я кому-нибудь: «Хотите, познакомлю?» — «Да». А в пятидесятые годы? Ее дом под присмотром, к вам на работу кто-нибудь придет и скажет: «Что это он ходит к Ахматовой, насчет которой было постановление Центрального Комитета партии?» Сегодя знакомство с Ростроповичем, с Барышниковым — запросто. Милые, живые люди. А в сорок шестом году Ахматова идет по улице, а те, кто ее узнают, переходят на другую сторону!

Как-то раз в поверхности веселом разговоре я спросил Ахматову, куда девались нежные, неумелые, притягательные своей беспомощностью женщины, те самые — слабый пол. «А слабые все погибли, — ска-

Анна Ахматова читает стихи Анатолию Найману. Комарово. 60-е годы.

* Рассказы об Ахматовой Найман писал еще для «Нового мира» времен редакторства Сергея Залыгина. «Человеческий комментарий» (жанр), в который органично вошли два-три десятка писем, родился к столетию А. А. (1989 г.). Новая книга — переработанное и дополненное с не публиковавшимися ранее документами издание.

** Здесь и далее обозначенное курсивом — из книги Наймана «Рассказы о Анне Ахматовой»

*** Владимир Казимирович Шилейко (1891—1930) — второй муж А. А., ассириолог, переводчик древневосточной поэзии

**** Николай Николаевич Пунин — супруг Ахматовой, искусствовед. Репрессирован в 1949-м.

Анатолий Найман